

ЗДЕНЕК ПЕХАЛ

Чехия, Оломоуц

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА. ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ.

ABSTRACT:

In the current paper, the author regards the mutual relationship of the author, text and reader as the basis of all theories of interpretation. Questionability of the verification of biographical data is indicated, and meaning of the text reality and text aesthetics is accentuated. The role of reference as a subject – object relationship, and imperceptibility of the given relationship by means of straightforward lexical meaning is presented. If the continually changing subject-object relationship is the substance of aesthetic situation, result of the semiotic relationships points to semantic shifts, pluralism, metamorphosis. The author of the paper emphasizes an author whose reflection may be recognized directly in the text structure.

KEY WORDS:

Author, biographical author, receptive author, text, recipient, aesthetic semiotic situation, pluralism of meaning, meaning as result of structural compactness.

Литературоведческая часть нашей конференции ориентирована на интерпретацию художественного текста и его контекстов.

В своем докладе я попытаюсь показать главные проблемы интерпретации литературного произведения. В основном, все теории интерпретации сводятся к трем краеугольным камням семиотики литературного произведения: к автору, тексту и реципиенту-читателю.

Дискуссия была всегда ориентирована на вопрос о реальном, биографическом авторе, на вопрос о возможном замысле этого автора и на вопрос, совпадает ли с авторским замыслом то, что мы восприняли в тексте художественного произведения. [Есо 2005: 14-29; Mathauser 1999: 82-96] Если принять такую постановку вопроса, то мы можем сказать, что произведение склоняется к какому-то предназначенному смыслу, решению, которое надо расшифровать. В этом смысле интерпретация стремится выявить интенцию автора, замысел автора, который сознательно планировал область значений.

История литературы ведет поиски фактов из реальной жизни реального автора, который физически жил в каком-то промежутке времени, в каком-то историческом, или социологическом, психологическом, философском контекстах. Этот

взгляд предполагает, что все эпизоды реальной жизни автора могли – каким-то образом – повлиять на возникновение конкретного художественного текста. Либо реальность автора и его жизненного контекста должна отразиться в художественном тексте, либо авторский замысел как-то участвует в семантике художественного произведения. Этот подход свойственен не только позитивизму. Это дело естественного контекста автора, и нам это может помочь проследить генезис литературного текста и установить его основную смысловую ориентацию. Критики этого подхода правы в том, что о реальном авторе мы не знаем фактически ничего. Рассказчика нельзя отождествлять с реальным автором. Реальное лицо автора остается скрыто, и на первый план выходят различные образы автора, которые являются разного рода интерпретациями подлинного жизненного факта, разного рода интерпретациями окружающих автора людей. Однако не всегда действует принцип, что чем ближе автору, как реальному человеку, какое-либо свидетельство, воспоминание, тем правдивее окажется его образ. На основе разного рода фактов установился традиционный образ автора и никто не сомневается в его подлинности. Но есть основания считать, что далеко не все факты, традиционно связанные с автором, правдивы. Есть даже авторы, которые намеренно стремятся создать для себя мнимый облик, свой грим-маску перед окружением. Они намеренно работают над своим имиджем. Не хочется ставить под сомнение все факты из биографии реальных писателей, но смею сказать, что многие факты и воспоминания говорят больше об их толкователях, являются более образами самих толкователей, чем подлинным образом писателей. Надо иметь в виду, что перед нами в большинстве случаев предстает не голый факт из жизни автора, а его субъективная интерпретация, какой-либо оттенок, клише. В многих случаях достаточно сомнительный образ автора переносится в столь же сомнительную интерпретацию литературного произведения. То же самое касается и авторского временного контекста. Но есть, конечно, моменты, которые способствуют пониманию литературного произведения. Несомненны временной контекст, исторические события, социальная окружность. Но боюсь, что можно сказать о них лишь только то, что они совершились, произошли, действовали. Но каким образом они повлияли на художественное произведение – остается вопросом.

Однако совсем другая ситуация существует в контексте эстетическом. На основе анализа эстетического временного контекста, в котором возникло литературное произведение, можно установить жанровые связи, тематическое окружение, мотивационные источники. Здесь на первый план уже выступает литературоведческая основа. Можно установить явные и доказательные соприкосновения между эстетикой конкретного произведения и эстетикой времени. Доказательства могут опираться на тексты – на подлинное слово художественного произведения.

Здесь мы уже находимся в области эстетики литературного произведения – т.е. в совершенно другой реальности, чем биографическая реальность автора. Это уже реальность текста, в отличие от онтологии жизненной авторской реальности. Текст выступает как знак. Традиционно знак считается материальным, чувственно воспринимаемым объектом (событием, действием или явлением), выступающим в процессе познания в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования. Но вопрос заключается

именно в том, на какое субъективное образование данный знак эстетической ситуации указывает.

Прежде чем я попробую ответить на этот вопрос, я опять должен вернуться к автору и его возможному замыслу.

Повторяется вопрос, можно ли вообще установить замысел автора? Т.е., можно ли установить в тексте те импульсы, которые вложил автор в свои произведения. Существует ли связь между намерением автора и знаком, который это намерение отражает, выражает. По-моему, да. Можно установить те авторские импульсы, которые мы способны определить понятиями, определить их конечный смысл. Т.е., если автор вкладывает в текст прямолинейные импульсы – информацию из области истории, социологии, психологии, этики, антропологии и т.д. – то эти авторские импульсы можно обнаружить и перевести в область понятий. Вопрос состоит только в том, являются ли они действительным авторским замыслом. С точки зрения методологии преподавания в вузах – об этих произведениях говорится очень легко. Но мы говорим не об эстетике, а о философии, психологии, истории, социологии, антропологии и т.п., которые являются составной частью художественного произведения.

Но существуют авторские замыслы, которые не принадлежат ни к области философии, ни социологии, ни этики и т.п. Существует своего рода неопределенность, расплывчатость, загадка, многозначность, некий теряющийся облик, лик – и это область искусства. И именно эта область не может быть исследована ни наукой, ни отдельными научными дисциплинами или философией, так как она не подчиняется однозначности понятия. Надо найти способ, средство, как выразить, как показать многозначное, неустойчивое положение человека в мире, это постоянное просвечивание субъективного через объективное, объективного – через субъективное. Речь идет об обозначенном, которое имеет статус не постоянного объекта или субъективного образования, а статус **отношения** – некоего субъекто-объекта.

Сейчас перед нами представлен, с одной стороны, текст, который содержит и интенцию, замысел автора биографического – т.е. и замысел, который можно прямолинейно перевести в понятия, с другой стороны, замысел, который исходит из очень сложного, текущего, меняющегося, движущегося отношения автора к миру, субъекта к объекту. Прямолинейные однозначные замыслы можно очень легко обнаружить, но не в этом суть сложности интерпретации художественного текста. Сложность вытекает из того, что текст является знаком весьма трудноуловимого отношения человека к миру, которое нельзя прямолинейно выразить понятиями.

Перед нами лежит текст, который является результатом замысла автобиографического автора, его реального, жизненного контекста, его контекста философского, социологического, исторического, этического, ... и есть предпосылка, что текст сохраняет эти контексты, из его структуры можно обнаружить и прямолинейные идеи философии, социологии, психологии. Но, с другой стороны, и это намного важнее, текст сохраняет и сложное отношение просвечивания субъекта через объект и объекта через субъект.

Однако, на протяжении многих лет текст вступает в другие контексты, которые не существовали в момент его возникновения. Напр., Мартин Гилски, чешский переводчик Шекспира, показывает, что текст одинаков и в 17 веке, и в 21 веке, но способ (процесс) его прочтения очень изменился. Впечатляющий текст Сонетов

Шекспира воспринимается с меняющимися контекстами в новой интерпретации и своей эстетической силой перешагивает через прошедшие столетия. Эстетическая сила – это способность выражать индивидуальную исключительность, поливариантность, многонаправленность, вневременную многозначность, ненасыщенную валентность текста и его структуры к проходящим мимо, движущимся контекстам, меняющемуся духовному окружению. Причина этого – в потенциальной способности находить контакт с новыми контекстами. *«Произведения говорят многим: темами, положениями, сюжетами, героями. Но больше всего говорят они присутствием содержащегося в них искусства. Присутствие искусства на страницах «Преступления и наказания» потрясает больше, чем преступление Раскольникова.»* [Пастернак 1989: 216] Это слова Пастернака из его романа Доктор Живаго.

Но есть еще исключительно важный контекст – контекст эстетический. Я имею в виду область жанровых форм, тематических и мотивационных контекстов, способ эстетической интерпретации действительности, под влиянием которых текст возникал и под влиянием которых через определенное время текст снова подвергается чтению, рецепции, интерпретации.

Те исследователи, которые критикуют поиски автобиографического автора, реального человека, который создал текст, предлагают подход автора интенционального (напр., Бахтин, или, к сожалению, недавно усопший проф. Маттаузер) [Bachtin 1980: 374-378; Červenka 1991: 258-260; Mathauser 1999: 82-96], суть которого можно обнаружить не посредством поисков неких фактов в жизни реального человека, а поиском его духовного отпечатка в структуре текста. Хотя я не исключаю возможных позитивных результатов истории литературы в сфере исторических фактов определенного биографического автора, подход к тексту, на основе которого открывается духовное лицо автора, запечатленное в тексте, мне более симпатичен. Процесс открытия автора, который смотрит сквозь текст прямо из текстовой структуры, я считаю крайне продуктивным, но, с другой стороны, и самым трудным. В результате такого подхода не вскрываются сенсационные факты из жизни писателей, а все сводится к мало эффектному труду над эстетической загадкой текста. Не только в последнее время превалирует интерес к различным загадкам жизни и смерти, напр., Горького, однако на его эстетику очень редко обращается внимание.

Таким образом, перед нами лежит текст, который несет на себе историю своих интерпретаций, оценок. Он выражает разные моменты из области философии, психологии, социологии, этики, антропологии и, главным образом, является частью эстетической ситуации (ср. Догнал [Dohnal 2004: 79-86]). Текст представляет собой знак. Текст является означающим. **Означаемым эстетической ситуации** является многозначное отношение авторского субъекта и окружающего бытия, окружающей реальности. Главным атрибутом означаемого отношения является неоднозначность, многозначность, постоянные поиски изменяющегося человеческого облика, поливариантность, текучесть значений и возможностей, открытый потенциал валентности. И эта непостоянность переносится в означающее – в текст, в знак. Символ так, как его понимал Гете или Лосев, который основан на спонтанности, апостериорности, динамичности, семантической амбивалентности (двойственности). [Mathauser 1999: 25-42]

В выстроенную таким образом эстетическую ситуацию вступает читатель, реципиент, как оригинальный субъект с собственными контекстами знаний, кон-

текстами социального, психологического, этического, эстетического окружения. Он вчитывается в текст, и особая эстетическая ситуация переносит его в область полисемии. Он может обнаружить из текста прямолинейно вытекающие идеи, прямолинейные интенции, может быть, замыслы самого автора как творца текста. Есть критики, которые говорят, что поиски предназначенного смысла, значений, предназначенного замысла вообще, сомнительны и непродуктивны, что никаких авторских интенций обнаружить нельзя, что существует только текст и его структурная связность. Другие говорят, что все, что читатель обнаруживает в тексте, представляет собой только лишь его субъективную интерпретацию, и таких интерпретаций существует неограниченное число. Что читатель текст, невзирая на его упорядоченность, оформит, сформирует по образу себя самого.

Я согласен, что позитивно ничего другого у нас в руках нет, только текст и его структура. Структурная связность отражает своеобразное отношение субъекта и объекта, его своеобразную, неповторимую жизненную ситуацию. Я не против неограниченного числа субъективных интерпретаций. Художественный текст может вызвать огромное число субъективных впечатлений и на основе этого, и субъективных интерпретаций. Но критический анализ текста должен приводить доказательства пути ассоциаций. Критический анализ должен учитывать семантическую ориентацию текста, которая вытекает из его структуры. Литературоведение должно учитывать семантическую ориентацию текста – учитывать «права текста» так, как об этом говорит У. Эко [Есо 2005: 2-13]. В тексте заложены импульсы, которые его семантически ориентируют. И это область литературоведения.

В качестве заключения можно сказать следующее:

Хотя поиски и факты из реальной биографии автора можно подвергнуть сомнению, все-таки они могут внести определенный вклад в понимание литературного текста. Если считать реальные контексты реальной жизни автора (социологические, психологические, философские, этические) означаемым, то можно установить их отражение в художественном произведении. В эстетической ситуации они могут быть выражены посредством понятий и у них можно предполагать одно идеальное значение, однозначность. В русле традиции художественной литературы их принято называть аллегорией (Гете). Аллегорическое обозначаемое можно выразить и иными средствами, нежели художественным образом. И литературоведение должно называть эти сведения социологическими, психологическими, этическими.

Но в эстетической ситуации существует и такое обозначаемое, которое, по своей сути, неоднозначно, поливариантно. Прежде всего имеется в виду постоянно изменяющееся просвечивание субъекта и объекта и их отношение. Этот комплекс значений может быть перенесен посредством эстетической ситуации, которая предполагает не однозначность, а многозначность. В смысле традиции Гете будем говорить о символе. Текст эстетической ситуации такого рода остается неподвижным, но со временем меняется его контекст. Сила эстетической поливариантности обладает многими возможностями, потенциалом смысловых валентностей и может привязываться к совсем другим контекстам, чем контексты, в окружении которых она была создана.

Более перспективным для познания эстетики художественного произведения, чем поиски жизненных фактов, мы считаем поиски эстетического контекста (поиски сдвигов жанровых, тематических, мотивационных) и прежде всего поиски

автора – лица, характер которого можно установить на основе анализа текста. Идеалом такого анализа является отождествление реципиента с перспективой, с точки зрения которой текст смотрит на читателя. Литературоведение должно прийти до идеала, который был создан именно анализируемым произведением, который художественное произведение создало само для себя и само по себе.

Что касается неограниченного числа интерпретаций, то надо сказать, что в области субъективных впечатлений может существовать столько подходов, сколько и читателей. Но надо иметь в виду, что в структуру художественного произведения заложена определенная семантическая ориентация, которая лежит в основе структурной связности. Критические интерпретации должны в своей основе базироваться на доказательствах и опираться на структурный анализ, в отличие от расплывчатости рядовых читательских впечатлений. Дать интерпретацию – значит, прийти до области значений, которые основаны на импульсах, заложенных в структуре текста и его связности. Этот тезис не имеет ничего общего с интерпретацией как стремлением к одному конечному значению. Неограниченное число значений как результат литературоведения я не считаю оправданным.

Классическая дискуссия ориентировалась на вопрос, как найти в тексте то, что было сознательно заложено в текст как замысел автора [Todorov 2000: 29], или: как найти в тексте то, что текст выражает, невзирая на замысел автора. Если мы согласимся с возможностью, что текст семантически шире, чем замысел автора, то мы можем продолжить поставленный вопрос в следующем смысле: – найденное в тексте мы нашли благодаря структурной связности текста или это реципиент нашел на основе системы собственных ожиданий.

Т.е., вытекает ли результат интерпретации из компактности структуры текста, из его импульсов или результат зависит от субъекта-читателя.

Это комплекс вопросов, к решению которых, надеюсь, принесет вклад и наша конференция.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Bachtin, M.M.: *Román jako dialog*. Praha 1980.
 Červenka, M.: *Styl a význam*. Praha 1991.
 Dohnal, J.: *Modely světa a jejich typologie*. Hľadanie ekvivalentnosti. II. Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta. Prešov 2004.
 Eco, U.: *Meze interpretace*. Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum. Praha 2005.
 Mathauser, Z.: *Estetika racionálního zření*. Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum. Praha 1999.
 Пастернак, Б.: *Доктор Живаго*. Книжная палата. М. 1989.
 Todorov, T.: *Poetika prózy. Triáda*. Praha. 2000.

Людмила СТЕПАНОВА

Чехия, Оломоуц

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

ABSTRACT:

The paper analyses new idioms in Russian and Czech. There are many new idioms of English origin in modern European languages. They create a large part of international idioms. The author describes the various types of international idioms, demonstrating their dynamics. Some idioms, which are new in Russian, have been existing in Czech for a long time. They were borrowed from German. Now they may change as a result of English idioms affecting them.

KEY WORDS:

New idioms, Russian and Czech, international idioms, dynamic processes of idioms.

Признавая национальное своеобразие культуры, истории и языка каждого народа, лингвисты, тем не менее, отмечают в каждом языке наличие лексических и фразеологических единиц определенного ядра словарного запаса, которые тождественны во всех европейских языках или в нескольких из них. К такому общему фразеологическому фонду обычно относят фразеологические единицы, восходящие к Библии и другим книгам Священного Писания, к античной мифологии, европейской истории и литературе. В трудах последних десятилетий, в том числе и в докладах, прочитанных на наших конференциях, было доказано, что несмотря на общий источник заимствования, эти фразеологизмы по-разному осваиваются европейскими языками и, следовательно, имеют в них целый ряд отличий. Данные фразеологизмы остаются, однако, настолько близкими и узнаваемыми, что получили общее обозначение – **интернационализмы**.

Сам термин не идеален – напр., коллега М. Янковичова в докладе на Оломоуцких Днях русистов в 2001 г. верно отметила, что традиционно употребляемый термин **интернационализмы** мы связываем с фразеологизмами, имеющими зафиксированное распространение в европейских языках, факт их использования за пределами Европы не изучен, следовательно, вернее было бы использовать термин **европеизм**, под которым д-р Янковичова понимает «*фраземы, встречающиеся*

в европейском регионе, имеющие общее происхождение и обладающие общей семантикой» [Янковичова 2002: 421].

Словацкая коллега Яна Складана высказывает мысль, что следует различать тождественные фразеологизмы, восходящие к общему культурному наследию (библейские, античные и т.п.), которые она называет их **истинными интернационализмами**, и близкие фразеологизмы, не имеющие общего источника. Эти единицы Я. Складана предлагает обозначить термином **ареализм** или **регионализм** [Складана 2006: 824-825].

Мы также признаем, что в том общем ядре, в котором пересекаются фразеологические фонды европейских языков, можно видеть разные по универсальности типы фразеологических единиц. Проф. В.М. Мокиенко при межъязыковом сопоставлении выделяет генетически и типологически схожие фразеологизмы [Мокиенко 1973, 1980, 1986]. Приняв данную классификацию за основу, мы детализировали и расширили ее. Итак, мы выделяем:

1. Генетические интернационализмы. Их можно подразделить на две подгруппы: 1) ФЕ, восходящие к общему для европейских народов культурно-историческому источнику (библейские, античные и т.п.); 2) фразеологические кальки и полукальки, попавшие в славянские и западноевропейские языки разными путями, но совпадающие по структуре и семантике, напр., *разбить наголову* – *porazit na hlavu* (из нем. auf Haupt schlagen), *холодная война* – *studená válka* (англ. cold war) и др.

2. Типологические интернационализмы – это сходные фразеологизмы, которые возникли в разных языках независимо друг от друга в силу сходных экономических и культурных условий. Это прежде всего фразеологические параллели, отражающие наблюдения над окружающим миром (*работать как лошадь* – чешск. *dřít jako kůň* – англ. *to work like a horse* – нем. *arbeiten wie ein Pferd* и т.п.). К этому разряду можно, по нашему мнению, отнести также ФЕ, построенные по общей для нескольких языков структурно-семантической модели (*покупать коша в мешке* – *kupovat zajíce v pytli* – нем. *die Katze im Sack kaufen* – англ. *to buy a pig in a poke* – фр. *acheter chat en poche* (sac)).

3. К этим двум группам примыкают универсалии на концептуальном уровне – это фразеологизмы, которые отражают сходные представления европейских народов об окружающем мире, но облачены часто в очень разную форму (так, напр., что-л. непонятное, неясное, запутанное в разных языках сравнивается с написанным на отдаленном для этой страны языке – по модели «это для меня (или для кого-л.) написано (или сказано) на иностранном языке», напр., в русском языке это сравнивается с написанным на китайском языке – *китайская грамота*, также во фр. *etre pour du chinois* и польском *chińszczyzna*, во фр. и англ. это сравнивается также с греческим языком: *etre pour du grec*, англ. *it is all Greek to him*).

Сегодня нас будут интересовать динамические процессы в интернациональной фразеологии. Под интернациональной фразеологической единицей мы понимаем фразеологизм, существующий в славянских и западноевропейских языках и отличающийся близостью лексемного состава и семантики.

Разумеется, в постоянно изменяющемся мире постоянно развивается и изменяется также язык, но эти изменения происходят неравномерно. А изменяется ли интернациональный фразеологический фонд русского и славянских языков, кото-

рый – уже в силу своей интернациональности – часто воспринимается как наиболее стабильный?

Разумеется, стабильность эта весьма относительна и отличается в зависимости от типа интернационализма. Вероятно, наиболее устойчивым ядром остаются генетические интернационализмы, хотя и здесь динамика неизбежна – к сожалению, в этой группе число общеизвестных ФЕ сокращается. Так, чешские лингвисты отмечают, что современная чешская молодежь меньше читает и утрачивает активное владение культурными интернационализмами [Šechová 1999: 47–56]. Думаю, это верно и для других славянских языков. Касается это и библеизмов: в России девяностых годов наблюдался резкий всплеск интереса к Библии – ранее запретной теме – и библеизмами пестрели страницы всех газет, но ныне этот интерес – по наблюдениям проф. Г. Лилич, одной из авторов Большого словаря библеизмов, который скоро выйдет в свет в Санкт-Петербурге – также постепенно спадает.

Иначе обстоит дело во второй группе генетических интернационализмов, а именно – фразеологических заимствований. Конечно, и в этой группе интернациональность может распадаться – когда в одном или нескольких языках определенный фразеологизм предается забвению – это произошло, например, как показал В. Мокиенко, с выражением *отложить в долгий ящик*, которое было известно в немецком, чешском и, возможно, других языках, а теперь употребляется только в русском языке и, более того, некоторыми фразеологами связывается с русской историей [Мокиенко 1986: 35–43]. Но уход интернационализма из активного употребления – процесс очень длительный и уловимый лишь со значительной временной дистанции.

Наоборот, самый заметный процесс – это активное обогащение фразеологии за счет заимствований. Новая волна англицизмов (или американизмов), захлестнувшая славянские языки, которую некоторые называют даже «языковой интервенцией», ведет к быстрому расширению интернационального ядра фразеологии.

Воздействию английского подвергаются все аспекты языка, как лексика, так и синтаксис, и словообразование. Не избежала экспансии англицизмов и фразеология. В русском языке в последние два-три десятилетия появились многочисленные фразеологические кальки, напр.: *красная карточка, промывание мозгов, вызвать на ковер, быть в одной лодке, писать в стол, скелет в шкафу, заметить под ковер, моя чашка чая (кофе), музыка будущего, делить какой-л. пирог, золотой парашют* и др. Все эти фразеологизмы существуют также в чешском языке.

Разумеется, мы не утверждаем, что фразеологические англицизмы проникают в современные славянские языки одинаково и одновременно. Некоторые обороты могут адаптироваться только одним из языков, оставаясь неизвестными в других. Так, в русском языке нашли применение некоторые заимствованные фразеологизмы, которые отсутствуют в чешском языке. Это, напр., обороты *бесплатный сыр только в мышеловке, не класть все яйца в одну корзину, выкручивать руки* и некоторые другие.

С другой стороны, в русском языке сравнительно недавно (прослеживается с начала нашего тысячелетия) появился фразеологизм *повесить на гвоздь (на крючок) что-л.* – «перестать заниматься чем-л., каким-л. делом, профессией».

В найденных контекстах в состав фразеологизма входит чаще всего также название спортивной обуви (бутсы, кеды, кроссовки, туфли и т.п.), которые вешаются на

гвоздь или крючок. В русском языке оборот является калькой англ. *hang up one's boots* и ощущается как неологизм, он еще не зафиксирован (по нашим данным) в русских фразеологических словарях. Однако в спортивных сообщениях это выражение явно относится к модным, им пестреют и страницы Интернета. Ср.:

– Тысячный гол в своей карьере забил наконец бразильский футболист [...] Ромарио. Теперь он с чистой совестью может **повесить бутсы на крючок**, о чем уже подумывал.

Постепенно компонент, обозначающий предмет обуви, заменяется другими атрибутами спортивной жизни: мы читаем, что конькобежец повесил коньки на гвоздь, боксер повесил перчатки на гвоздь, теннисист – ракетку на гвоздь, чемпион мира по биатлону повесил винтовку на гвоздь, затем даже: *Лучший футбольный арбитр России решил **повесить свисток на гвоздь***.

Как видим, происходит постепенное расширение компонентного состава оборота, который сначала употреблялся лишь в спортивной сфере. Заметим, что значение «перестать заниматься чем-л.» имеет в английском языке уже сам глагол *hang up*. Вероятно, расширение сочетаемости приведет к сокращенной форме русского оборота: *повесить что-л. на гвоздь (или на крючок)*. Итак, в русском языке данное выражение является неологизмом, заимствованным из английского языка, из области спорта, и в настоящее время проходящим процесс освоения.

Оборот *pověsit něco na hřebík (hřebíček)* (повесить что-л. на гвоздь) есть и в чешском языке, но здесь он, по данным словаря В. Флайшганса «*Česká přísloví*», имеет давнюю историю – ср. контекст 1561 г.: *siceť to ledakdes **na hřebík pověsíme a od svého povolání utečeme*** (иногда мы это на гвоздь вешаем и от своей профессии убегаем), или контекст XVI в. без уточнения даты: ***školní kapsu na hřebík pověsiti*** (школьную сумку на гвоздь повесить), далее приводятся и контексты последующих веков.

Более того, автор словаря Вацлав Флайшганс, прекрасный знаток европейской фразеологии, дает у этой статьи помету «заимствованное и освоенное выражение» и этимологическую справку: из немецкого: *etwas an den Nagel hängen* [Flajšhans 1911: 344].

Таким образом, перед нами фразеологизм, который был заимствован чешским языком из немецкого не позднее середины XVI века. В русский язык близкий оборот *повесить бутсы (ботинки и т.п.) на гвоздь (на крючок)* попал недавно, вероятнее всего, из английского языка.

Интересно, что чешские контексты предыдущих веков не содержат наименований спортивного инвентаря (что и логично), в них мы читаем: «повесил школьную сумку на гвоздь, повесил грамматику, филологию, беспокойную работу и т.п. на гвоздь»: *pověsil školní kapsu na hřebík, pověsil gramatiku, filologii na hřebík, pověsil dosavadní svůj život na hřebík, pověsil vdovství na hřebík, pověsil neklidné zaměstnání na hřebík* [Flajšhans 1911: 344].

Однако в современных контекстах мы видим также *повесить перчатки на гвоздь* – о вратаре, *повесить скейтборды на гвоздь* и т.п. (*pověsit brankářské rukavice na hřebík, skejťáci mohou svá prkýnka s kolečky pověsit na hřebík* и т.п.).

Итак, чешский германизм, существовавший в чешском языке веками, явно переживает «модернизацию» под влиянием английского языка.

В чешском языке известен также другой фразеологизм немецкого происхождения: *držet palce komu* (jemandem den Daumen halten) – «болеть за кого-л. (напр., при сдаче экзамена), желать удачи кому-л.», зафиксированный в начале XX в. В русском языке этот фразеологизм появился совсем недавно – по всей видимости, из английского *keep one's fingers crossed (for someone)* – и используется в разных вариантах, что характерно для неологизмов, причем не только в форме *держат пальцы за кого*, но и *держат пальцы крестом (крестиком)*, *держат пальцы скрещенными*.

Эти варианты, по нашему мнению, проясняют первоначальную мотивацию ФЕ – до сих пор дети перекрещивают пальцы при виде скорой помощи, аварии или какого-то несчастья, как бы отгоняя злого духа. Интересно, однако, что этого оборота в русском языке раньше не было. Когда кто-л. шел на экзамен, он говорил: «болейте за меня» или «ругайте меня». Существовало и суеверие, что нужно обмакнуть пальцы в чернила, это принесет ребенку удачу на экзамене – и некоторые особенно любящие мамы это на самом деле делали. В современном русском языке все эти суеверия соседствуют друг с другом и создают новый синонимический ряд выражений со значением «болеть за кого-л., желать ему удачи», ср. призыв на форуме в Интернете:

– *Господа! Сегодня, начиная с двух часов пополудни, все кому не лень, держите за меня кулаки, пальцы крестиком, нос в чернильнице и делайте прочие трюки, неизменно приносящие удачу.*

И через некоторое время:

– *Спасибо всем, кто меня ругал и держал пальцы крестиком. Всё прошло замечательно.*

Итак, что же происходит в современной интернациональной фразеологии? Как и весь фразеологический фонд и язык вообще, и интернациональная фразеология постоянно изменяется. С одной стороны, сокращается количество активно употребляемых культурных интернационализмов. С другой стороны, группа фразеологических заимствований быстро расширяется, причем характерно, что кальки немецкого происхождения, уже существовавшие в чешском языке ранее, становятся интернациональными благодаря тому, что в русском и других языках появляются новые заимствования из английского языка, которые приносят сюда образы, давно известные западнославянским языкам.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Мокиенко, В.М.: *Историческая фразеология: этнография или лингвистика?* In: Вопросы языкознания, 1973, № 2, с. 21-34.
- Мокиенко, В.М.: *Славянская фразеология*. М., 1980.
- Мокиенко, В.М.: *Образы русской речи*. Л., 1986.
- Складана, Я.: *Сопоставление некоторых словацких и русских фразем в диахроническом аспекте*. In: *Rossica Olomucensia XLIV* (za rok 2005). 3. část. Olomouc 2006, s. 823-828.
- Янковичова, М.: *Русские фраземы с компонентами-символами и европейский фразеологический фонд*. In: *Rossica Olomucensia XL* (za rok 2001). 2. část. Olomouc 2002, s. 421-426.
- Čechová, M.: *Užití kulturních frazémů v současnosti*. In: *Přednášky z XLII. běhu Letní školy slovanských studií*. D. I. Praha, 1999, s. 47-56.
- Flajšhans, V.: *Česká přísloví*. D.1. Praha, 1911.

Ладислав Воборил

Чехия, Оломоуц

РУССКИЙ ЯЗЫК – ЕГО РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ – В КОММУНИКАТИВНЫХ УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОГО WEB-ПРОСТРАНСТВА

Мotto:

Жизнь вошла в Интернет, а Интернет вошел в жизнь.

[Трофимова 2004: 42]

ABSTRACT:

The article deals with the functioning of Russian on the Internet. Language is the main construction means of the virtual reality. In the 1st part a brief history of the Internet, Runet is outlined. The 2nd part is devoted to internet-communication (general properties of the web as a communicative space, communicative functions, communicative act structure and characteristics of communicative act elements with respect to the new medium). The 3rd part aims at presenting general tendencies and changes in "Russian on the web". The main tendencies are as follows: 1) contamination of the means (written and oral, standard and colloquial, latin and cyrillics, English and Russian); 2) polyfunctionality vs simplification (agrammatism, compensation, hypertext, new genres); 3) diffusion vs differentiation of means; 4) expressivisation, language play.

KEY WORDS:

Internet space, Russian, Runet, communication, global, cross-cultural, interactivity, web-communicative act, contamination, complication, simplification, diffusion, differentiation, expressivisation, language play.

Мotto настоящей статьи отражает факт, что в данный момент многие языки мира, в том числе русский, функционируют в двух взаимообусловленных, связанных друг с другом сферах – в традиционной (реальной) действительности и в виртуальном пространстве интернета (далее и.). С одной стороны, язык и речь приспособляются к техническим возможностям и., с другой стороны, основным средством создания новой коммуникативной среды является живой язык.

На сей день и. – это не только революционное технологическое изобретение, но и коллосальный источник информации, мощное средство коммуникации, культурное пространство, что подтверждается такими метафорическими названиями, как, напр., «всемирная паутина», «информационная супермагистраль», «глобальная деревня».

И. – это и объект научных исследований, напр., философии, теории коммуникации, психологии, социологии, лингвистики и др. Для лингвистики самым важным является то обстоятельство, что основным средством формирования и-пространства является как раз живой язык. В виртуальное пространство и. человек вступает, создавая свой лингвистический образ. По словам Г.Н. Трофимовой, *текст и личность в виртуальной реальности становятся равнозначными* [Трофимова 2004: 36]. Факт, что единственной реальностью в «виртуале» является речевой образ коммуниканта, осознают и В.В. Новиков, Л.М. Тираспольский, высказав мнение, что *каждый участник утверждает свой авторитет своим речевым поведением* [Новиков, Тираспольский]. А.Е. Войскунский говорит о редуцированности коммуниканта до вербальных сообщений. О заинтересованности лингвистов в языке и. и и-общении свидетельствует ряд трудов, среди авторов которых числятся Г.Н. Трофимова, Е. Буторина, Л.Ю. Иванов, Ф.О. Смирнов, А.Е. Войскунский, М.Ю. Сидорова, Е.И. Горошко, D. Crystal.

Понимая актуальность данной темы, организаторы настоящей конференции стараются содействовать решению очерченной проблематики, выдвинув в качестве темы лингвистической секции «язык и общение в эпоху и.». В своем выступлении намереваемся: 1) представить и., в частности Рунет, в его диахронии и синхронии, включая его перспективы; 2) рассмотреть и. как глобальное коммуникативное киберпространство, обратив внимание на специфику веб-коммуникативного акта, на выбранные речевые жанры; 3) проследить основные тенденции развития русского языка в и. в свете общих языковых процессов постперестроечного периода.

1. ИНТЕРНЕТ // РУНЕТ в диахронии и синхронии

И. как сеть связанных друг с другом компьютеров расширил ряды технических средств коммуникации и массовой информации, заняв место вслед за изобретением в XV веке книгопечатания и за появлением почти 400 лет спустя радио- и телевидения. Все перечисленные технические достижения сближает факт, что они существенным образом сказались на характере общения, на форме бытия языка и текста [Сидорова 2006: 7], на человеческом мышлении. Наступление каждого из них сопровождалось известными опасениями, будь то опасения Святой церкви по поводу нравственности и правильности вероисповедования или политической корректности радио- и телевидения либо опасения в наше время лингвистов по поводу чистоты языка, проблемы авторских прав, безопасности. [Crystal 2001: 1-4]. Однако, от всех остальных средств коммуникации и. отличается прежде всего своей массовостью, масштабностью (глобальностью) и стремительностью наступления.

Его родиной считаются США, время рождения – 60-е годы XX века. Началом истории и. в более узком смысле можно считать изобретение в 1991 г. технологии гипертекста (www) в Женеве. В России развитие и-технологий наступило с определенным опозданием. Бурный расцвет Рунета начинается с рождения первых сайтов и порталов. В ноябре 1994 г. появляется первая эл. библиотека – Библиотека Мошкова. В марте 1995 г. в Рунете создана первая эл. версия СМИ «Учительская газета». В 1996 г. возникли поисковые системы «Рамблер», «Яндекс»; в этом же году заработала первая сетевая радиостанция – «Радио 101». В 1998 г. открыта первая бесплатная почтовая служба mail.ru. [по материалам Музея истории Интернет]

И./Рунет – это, однако, не только технологии и контент, но и среда, созданная людьми для людей, интернетчиков. По данным российской исследовательской

компании РОМИР [romir.ru], опубликованным на 01.06.07, за I квартал 2007 г. аудитория Рунета составила 22 % от общего числа россиян старше 18 лет (около 25 млн человек). Соотношение мужчин (прибл. 55 %) и женщин (45 %) в Рунете за последнее время не меняется; тенденция соотношения возрастных групп тоже почти без изменений. Самая большая доля и-населения – это молодые люди в возрасте 18-24 года (51 %), средний возраст рунетчика составляет 31 год. Чаще остальных Рунетом пользуются квалифицированные специалисты, студенты и учащиеся, руководители высшего и среднего звена. [по данным РОМИР 2007] По данным за IV кв. 2005 г. (данные за 2007 г. у нас пока не имеются), наиболее посещаемыми сайтами были поисковые системы, новостные сайты, почта. В первую десятку рейтинга поисковых фраз вошли: *гороскоп, сонник, погода, обои, знакомства, обои для рабочего стола, рефераты, игры, приколы и работа*. [по данным Музея истории Интернет]

2. ИНТЕРНЕТ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ВЕБ-КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ; ВЫБРАННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ЖАНРЫ

По своей сути и. коммуникативен. Задуманный первоначально, главным образом, как источник информации, он превзошел многие ожидания, развившись в направлении коммуникативности. По словам Л.Ю. Иванова [Иванов 2000], и., в частности язык и., выполняет все выделяемые как правило функции: коммуникативную функцию и ее частные составляющие: фатическую, волюнтаривно-персуазивную, когнитивную, тезаурусную, культурно-образующую и эстетическую. В качестве главных черт новой коммуникативной и-среды, ссылаясь на других авторов [Литневская, Бакланова 2005; Сидорова 2006; Трофимова 2004], приводим: *глобальность, кросскультурность, гетерогенность, физическую непредставленность, полифункциональность, интерактивность, мультимедийность и гипертекстуальность*.

Коммуникативная среда и. гетерогенна и включает ряд разных ситуаций и дискурсов. Для упрощения описания различаем и. как источник информации, с одной стороны, и и. как средство коммуникации. В первом случае информация транслируется из одного источника многим получателям (сетевая публицистика, порталы справочных служб, каталоги библиотек, сайты официальных органов, фирм, учреждений); в принципе можно говорить о массовой коммуникации. Во втором случае имеется в виду ряд ситуаций и связанных с ними жанров (эл. почта, списки рассылки, дискуссионные группы, форумы, чаты, ICQ, IRC, блоги (дневники), ролевые игры), в которых речь идет об интерперсональной коммуникации и которые являются источником жанровых и речевых преобразований, новаций. В следующей части уделим внимание именно второй, коммуникативной стороне и., представив усредненный веб-коммуникативный акт с учетом как можно больше частных случаев. Опорой изложения послужит структура коммуникативного акта, включающего ситуацию, участников, канал, носитель, код, содержание и коммуникат (текст) [МČз 1987: 624-625].

Коммуникативная ситуация. Киберпространство лишено понимаемых традиционно пространственно-временных координат; метафорически говорят о «смерти времени и расстояния». Общение идет поперек территориальных границ, временных поясов; и-коммуникация дистантна. Однако, ввиду интерактивности многих дискурсных форм (e-mail, чат, ICQ, форум, ролевые игры) наблюдается

тенденция создавать эффект контактности, будто общение происходит непрерывно, «здесь» и «сейчас». Внесетевое, хронологическое время в и. не играет значительной роли; точкой отсчета можно считать, скорее всего, момент присутствия коммуниканта в сети. Коммуникация осуществляется или синхронно, в режиме онлайн, или асинхронно, отсроченно, в режиме оффлайн; причем второй тип общения гораздо чаще. Кроме того, благодаря техническим свойствам и-среды коммуникант может симультанно принимать участие в нескольких дискурсных формах.

Отсутствие пространственно-временного дейксиса зачастую компенсируется наличием совместного опыта, фоновых знаний. Осознавая его недостаточность, коммуниканты (чат, ролевые игры) прибегают к выражению не только в режиме «сказать/to say», т.е. прямой речи, но и «сделать/to do» [Crystal 2001], используя форму глагола 3-го лица ед. числа наст. времени, описывая свои действия в момент речи (так наз. изобразительный регистр речи по Г.А. Золотовой) [Сидорова 2006; Золотова, Онипенко, Сидорова 2004].

Коммуниканты, субъекты коммуникации. По синхронности/асинхронности, числу коммуникантов, направленности общения можно различать, напр.: 1) асинхр. общение 1/1 (напр., e-mail), 2) асинхр. общение 1/несколько (напр., списки рассылки) 3) синхр. общение 1/1 (ICQ), 4) асинхр. общение многие/многие (напр., форум), 5) синхр. общение многие/многие (чат).

Осложнены и чередование ролей, обратная связь. Напр., в чате или на форуме, последняя реплика отнюдь может не быть реакцией на предыдущую. Д. Кристал [Crystal 2001] пишет, что прежде чем приступить к формулировке своего сообщения, вновь приобщившиеся читают обычно последние 4-5 реплик. Ответная реакция может вообще и не наступить, и-общение асимметрично; коммуниканты получают больше информации, чем отправляют. В общем, однако, и. характеризуется повышенной интерактивностью, ускорением обратной связи (напр., эл. письма).

В связи с физической непредставленностью коммуникантов [Жичкина], анонимностью, растворенной телесностью осложняются вопросы идентичности, самопрезентации; в и. разрушена иерархия социальных ролей по полу, возрасту, этносу, национальности, образованию, профессии, социально-экономическому статусу [Жичкина, Белинская]; нет физических (телесных) коммуникативных препятствий (неприятная внешность, болезнь) [Мышенникова 2001]. Вследствие этого В. Нестеров [Нестеров] различает в и. доверительное и карнавальное общение. В первом случае коммуникант выступает лично от себя, во втором он конструирует свое «я», надевает маску, создавая образ автора.

Физическая непредставленность и вытекающая из нее равноправность коммуникантов создает атмосферу свободы, вызывает ощущение безнаказанности, что сказывается или на повышенной откровенности, доверительности коммуникации, или на ее агрессивности, инвективности; ненормативными формами поведения можно признать флейм/наезд (употребление инвективной стратегии), флуд (заполнение дискуссии бессодержательными высказываниями), спам (распространение в сети незапрошенной информации), троллинг (введение в дискуссию заведомо ложной информации с тем, что кто-то «клюнет на нее как на приманку»). Не в последнюю очередь, описанная обстановка стимулирует языковую игру, креативность.

Наконец, по установке коммуникантов и-общение можно делить на нефатическое (информационное) и фатическое, с постепенным увеличением доли фатического.

Коммуникативный канал, носитель, коммуникативный код. Реализуясь с помощью сложной сети связанных друг с другом компьютеров, и-общение, как мы уже отметили, является опосредованным (с ограничениями сенсорного опыта), дистантным, чаще всего асинхронным. Процесс речепроизводства и речевосприятия осуществляется с помощью клавиатуры и монитора. По заключениям психолингвистов, набор текста на клавиатуре довольно отличается от написания от руки; *атрофируются зрительные навыки восприятия образа слова* [Трофимова 2004]. Умение писать на клавиатуре определяет скорость общения, сказываясь и на численности опечаток. Приспособление текста к экрану монитора, в свою очередь, стало одним из факторов речевосприятия.

Почти исключительный носитель сообщения в и. – графика. Отсутствие паравербальной (интонационной) и невербальной (жестикация, мимика, позы) составляющих сообщения привело к выработке коммуникантами особых приемов передачи интонации (умножения графем, знаков препинания, использование заглавных букв и других типографских средств – жирный шрифт, подчеркивание). Для передачи невербальной составляющей служат так наз. эмодзи, смайлики (рожицы). Однако, гамма передаваемых ими семантически-прагматических оттенков весьма бедна. В чатах для выражения последних используются комментарии в виде сценических ремарок.

Содержание, тема, предмет коммуникации. Тема, часто упрощенно понимаемая как предмет коммуникации, является одним из самых важных стилиобразующих факторов, включая и-среду. Тематически веб-коммуникаты колеблются от сугубо официальных (напр., научные публикации, сообщения справочных служб, сайты организаций и фирм, каталоги библиотек), до неофициальных (форум, чат, эл. письмо). Степень официальности темы определяет уровень языкового облика окончательного результата коммуникации – текста (его структуру, синтаксис, лексику, орфографию).

Коммуникат, текст. И. внес ряд изменений в понимание текста. 1) Широкое применение технологии гипертекста, составляющего суть и., привело к асимметричности соотношения линейности/нелинейности текстов в пользу нелинейно, ступенчато структурированных текстов, гипертекстов. И. в своей совокупности – это огромный макروهипертекст. 2) И. сдвинул текст в направлении мультимедийности. Печатные тексты сопровождаются графической визуализацией, анимацией, звуко- или видеорядом; и-страница в целом образует политекст [Трофимова 2006]. 3) Текст в и. интерактивен, коммуникативно насыщен [Нестеров], нацелен на обратную связь. К ресурсам, опубликованным в и., добавляется возможность высказать свое мнение (гостевая книга, эл. письмо, форум). 4) Меняется понимание авторства текста. И. дает возможность сочинения текста многими авторами (напр., и-роман, стихотворение), что также весьма меняет укоренившееся представление о границах текста. 5) Меняется и понимание статичности текста. Все тексты, в том числе предназначенные для сиюминутного восприятия (напр., в чате), можно хранить, возвращаться к ним, легко обрабатывая их. По способу производства налицо в и. отредактированные тексты (напр., веб-публикации), частично отредактированные (напр., посты на форумах, эл. письма) и спонтанные,

неотредактированные (чатовские разговоры). Наконец, тексты можно делить и на модерируемые и немодерируемые [Сидорова 2006: 55].

3. Русский язык в интернете, его функционирование и тенденции развития

По словам Г.Н. Трофимовой [Трофимова (2)], и. – *новое, раньше не существовавшее место функционирования языка*. Цель и-лингвистики – изучать коммуникативные аспекты языка и его функционирование. Наша цель – рассмотреть основные процессы и тенденции развития русского языка в условиях сети на фоне общих языковых процессов конца XX – начала XXI века. Полагаем, что благодаря письменной фиксации речи в и. многие явления современной речевой практики стали лишь более видными, выпуклыми, что их отнюдь нельзя считать абсолютно новыми, раньше не наличествовавшими. Их надо отграничить от чисто сетевых языковых преобразований, новшеств. Не в последнюю очередь, привлекает к себе внимание и обратный процесс обогащения внесетевой языковой реальности сетевыми элементами. Прибегнув к метафорам разных ученых-лингвистов, отражающих обстановку и., можно сказать, что последний *становится особым тиглем, в котором переплавляются все виды, типы, жанры и стили речи* [Трофимова 2004: 112], что и. – *кривое зеркало*, чаще отражающее status quo, чем порождающее новое, представляя собой *уникальный полигон, на котором разворачивается испытание естественного языка* [Войскунский 2001].

Трудности отмежевания процесса функционирования языка, наблюдаемого в рамках виртуальной реальности и за ее пределами, вытекают также из того, что момент наступления и. в России (в отличие от, напр., США, Германии, Франции) совпадает с периодом смены политического уклада, экономической системы, социальными и культурными преобразованиями, в том числе языковыми. Итак, в качестве основных тенденций, связанных с функционированием русского языка в постперестроечную эпоху, приводят демократизацию и либерализацию языка [Костомаров 1994: 5]. В авторитетной книге «Русский язык конца XX столетия» Е.А. Земская перечисляет выделенные еще в начале Перестройки М.В. Пановым явления, характеризующие функционирование русского языка, а именно: *диалогичность; усиление личностного начала; стилистический динамизм; явление «переименования»*; *сочетание резко контрастирующих стилистических элементов* [Земская 2000: 11-12]. Сказанное ею дополняется другими явлениями и тенденциями: расширение состава участников массовой и коллективной коммуникации; разрушение цензуры и автоцензуры; расширение сферы спонтанного общения; изменение ситуаций и жанров общения; замена официального подготовленного общения неподготовленным, менее официальным [Земская 2000: 12-14].

Сравнивая процитированное с реальной ситуацией и., приходим к выводу, что в и. данные тенденции нашли свое продолжение, во многом достигнув своего апогея. Публично, спонтанно, неформально, почти без цензуры стали выступать широкие слои общества. Личностное, приватное общение стало достоянием публики. Факт, что единственный способ презентации человека в сети – его речевой образ (речевое произведение), стимулирует выработку новых стратегий самопрезентации с целью привлечения внимания, идентификации, дифференциации. И. способствовал расширению интерактивной (диалогической и полилогической) коммуникации; монологический текст часто возникает как реакция на предыду-

щий текст, повышая свою диалогичность. В и. сложились новые ситуации, жанры общения.

В связи с изменениями условий функционирования языка в и-среде Л.Ю. Иванов [Иванов 2000] отмечает две основные тенденции в языке и.: 1) [...] *одновременно протекающее усложнение одних и упрощение других средств по сравнению с аналогичными средствами в литературном языке [...]. Эта тенденция затрагивает план выражения, план содержания и план прагматических интенций.* Частный случай указанной тенденции – это тенденция к более высокой дифференциации одних явлений и средств при более диффузном пользовании другими. 2) *Конкурирующее воздействие норм письменной и устной речи.*

Учитывая изложенное и опираясь на собственный опыт с и-коммуникацией и и-речью, выделяем следующие общие тенденции в области функционирования и развития русского языка в сети: 1) **контаминация** средств (напр., устного и письменного варианта речи; разговорной речи и литературного языка; вербальной и невербальной составляющих кода; латиницы и кириллицы; русского и английского языков); 2) **усложнение** одних **средств** (полифункциональность, компенсация, коннотация; гипертекст, новые жанры) и **упрощение** других (языковая экономия, аграмматизм, компрессия); 3) **диффузность** одних и **дифференциация** других средств (изменение функционально-стилистической характеристики существующих жанров в сторону разговорности; процессы терминологизации и детерминологизации); 4) **экспрессивизация, карнавализация, индивидуализация языка**, языковая игра. [Пилатова, Воборил: 2007]

Контаминация. Сочетание письменного варианта речи с его интерактивностью, диалогичностью заставляет лингвистов взглянуть по-новому на оппозиции «устный» х «письменный» и «разговорный» х «литературный». Кроме формально и концептуально письменной речи, в и. складывается новая форма речи, формально письменная, но концептуально устно-письменная (менее структурированная, телеграфная, с наличием устно-разговорных элементов), обозначаемая по-разному: *письменная разговорная речь* [Буторина], *компьютерная форма речи, интернет-речь* [Трофимова 2004], *киберязык, нетспик, веблши, нетлши, электронный язык или дискурс* [Crystal 2001].

Латинизация кириллицы тесно сопряжена с влиянием на русский язык английского языка, американизацией. Г.Н. Трофимова [Трофимова 2004: 73] отмечает, что *впервые после 1920-х годов [...] русская азбука потеснена латиницей.* Автор выделяет несколько ступеней сосуществования латиницы и кириллицы: *включение фрагмента на чужом языке в русский текст; полная латинская транслитерация русского текста; написание русских букв, по умолчанию указывающих на латинские, принадлежащие соответствующим клавишам, напр. З.Б. = P.S., ину = bye, зды = pls* (это можно считать частным случаем языковой экономии, не имеющим своего аналога в других языках); *создание слов из фрагментов кириллицы и латиницы (выDOOMывать, заLOOPаться); симуляция кириллицы с использованием букв латинского алфавита и создание текстов на этом симулянте (буква «ш» заменяется буквой «w», «х» [ch] / «x» [икс]; «у»/«y»; «ь»/«b»; «з»/«3»); создание русских слов по принципу калькирования, замены метафорического ключа или воспроизведения отдаленной фонетической ассоциации (напр., мелкомягие, мелкомягкость = microsoft; шаровары = shareware; девица = device; зашарить ре-*

сурсы = to share [Гусейнов 2000]). [Трофимова 2004: 73-74] Многие из приведенных случаев обнаруживают игровое начало, их можно считать проявлениями и других тенденций – тенденции к усложнению или упрощению.

УПРОЩЕНИЕ ОДНИХ И УСЛОЖНЕНИЕ ДРУГИХ СРЕДСТВ. Упрощение наблюдается на уровне орфографии, пунктуации вследствие несоблюдения синтаксических правил употребления знаков препинания; оно имеет явно индивидуальный характер. Говорят о так наз. аграмматизме [СЭСРЯ: 648]. Коммуникантами игнорируются границы или статус синтаксических и номинативных единиц; слова в начале предложения, в том числе имена собственные зачастую пишутся со строчной буквы. Точки, запятые, дефис, кавычки и другие знаки препинания расставляются произвольно. Встречается и фонетический принцип письма; орфография отражает произношение в духе «пишется как слышится». Причину можно усматривать как в низкой языковой осведомленности коммуникантов, так и в целях экономии места, времени, соответственно, денег).

Вполне в духе аграмматизма и тенденции к аналитизму синтаксические структуры фрагментарнее; формальные синтаксические связи ослабевают, они свободнее и часто формально не выражаются. Большая роль выпадает контексту и порядку слов. [Трофимова 2004: 93-113] Встречаются разные усечения, эллипсис. Паратакисс превалирует над гипотаксисом, встречаются перечисления, однородные члены предложения. Высказывания короче, проще (даже по содержанию). Границы синтаксических единиц иногда трудно установить; скорее чем о предложении/высказывании говорят о сегментах, напр.: *А если серьезно...то бесит только бабулька....она чуть дальше меня живет но на одной клетке Она всегда за всеми подсматривает, при чем когда мне еще 18 не было....картина маслом....ко мне два друга идет и в сумке тащат монитор....заходят...тут же звонок...она заходит под каким-то соседским предлогом.....они значит уходят...у нее дрожат руки...они тебя не изнасиловали? при чем парни на вид...ну божьи одуванчики.* [www.ru-forum.com]

На уровне лексики и словообразования тенденция к упрощению выливается в явления компрессивного словообразования, аббревиации: 1) Образование сокращений путем пропуска гласных (напр., *спс, спсб, плз, плжста*); интересно, что данное средство отнюдь не ново, с ним встречаемся в священных языках типа старославянского или древнееврейского. 2) Возникновение буквенных аббревиатур, состоящих из начальных букв словосочетаний или высказываний (напр., *ИМНО, ВТW, КМА // имхо, лол*). Данный прием характерен для английского языка, почти все образования заимствованы из последнего в подлинной форме. Г.Н. Трофимова [Трофимова 2004: 80] приводит смоделированные по тому же самому принципу окказиональные аббревиатуры, напр., *САТУРН = слышишь, а тебя уже разлюбить невозможно, ЖНССС = жизнь научит смеяться сквозь слезы*. 3) Образование аббревиатур (акронимов), состоящих из букв и цифр на основе тождества произношения буквы или цифры (*U – you, 4U – for you, CU – see you, CUL8R – see you later, B4 – before*). Опять, речь идет о заимствованных из английского языка формах. 4) Формы, возникшие путем регрессивной деривации, часто игнорирующей морфемные швы, напр. *инет, ава, прога, модер, админ, инфа, препод*. Встречается и сочетание универбизации и деривации, напр., *реал, вирт, личка, очка*.

Усложнение орфографических, пунктуационных, в том числе типографских средств, усматриваем в использовании их в целях 1) компенсации паравербальной (модуляции голоса, темпа, паузы, акцента, напр., умножения букв, знаков препинания, подчеркивание, разрядка, кавычки) и невербальной составляющих коммуникативного кода; 2) передачи разных модальных и оценочных смысловых оттенков (удивление, несогласие, негодование), 3) разных прагматических интенций (имеется в виду образование с помощью знаков клавиатуры так наз. пиктограмм, эмотиконов, выражающих разные эмоции (чаще всего, радость, грусть, смех); наличие их в тексте нередко рассматривается как сигнал несерьезности; надо отметить, что это не исконно сетевое явление; смайликами дополняются письма молодых людей уже несколько десятилетий); 4) в целях эвфемизации (вуалирование вульгаризмов, напр., *будет ассоциироваться с з@ебной хренью* // *Причём тут „проклятые метропольцы“? #ля*), 5) индивидуализации речи, языковой игры (см. ниже).

На уровне синтаксиса видное проявление тенденции к усложнению – это широкое использование структуры гипертекста. Последний, по мнению многих лингвистов, расширил цепочку синтаксических единиц: синтагма, предложение-высказывание, сверхфразовое единство, текст, гипертекст [Трофимова 2004].

На уровне лексики и словообразования усложнение наблюдается в области терминологизации (нередко путем заимствования из английского языка и постепенного морфолого-синтаксического обрусения (напр., *веб, онлайн, онлайнный, интернет, интернетовский, браузер, хакер*), слова возникают и путем семантического наращения смысла, напр., *падать, контент, администратор, повисать* [Трофимова 2004: 81]. Потребность выступать под псевдонимом-ником активизирует ономазиологический процесс. При образовании ников налицо случаи трансформаций имен собственных (*Diam77 – Дима, M@rt – Мартин, AndyMan – Андрей, miss Julia – Юлия, Marsha – Марина*). Ники созданы больше на латинице (*Shurik, zhmurik, Irinka, inozemec*), чем кириллице (*тетя Глаша, Кандид*); иногда в составе ника используются оба алфавита (*Mila_Я, Га_Newa*). С формальной точки зрения интересны случаи употребления строчных и прописных букв (*ИсТеРуКа, FausT, SiriuS, ZorG, NaStEnOK, He_ТвОя, ПуТник*), знаков препинания (*s.w.e.e.t, B-e-g-i-n-i-n-g*) и других символов клавиатуры (*M@rt, M@susj@, Bl@ckDembel, Dantes\$, A_meli*). Не редкость случаи использования в составе ника слова «ник» (*nika bez nika, Ник-ки, Niksa, ПуТник*). [www.volchat.ru]

Широкий пласт новой лексики представляет компьютерный жаргон и сленг, отличающийся зачастую высокой степенью экспрессивности; многие образования несут в себе и игровое начало. Особой популярностью пользуются жаргонизмы, образованные от английских слов и благодаря фонетической близости оригинала ассоциативно и коннотативно связанные с разговорными, стилистически сниженными пластами лексики, в том числе с бранью, табуированными словами, ругательствами. Так, напр., эл. почту называют *мылом*, неопытного новичка *юзвером, юзвергом*, переносный компьютер *лэптоп лапой*, компьютер *компухтером, контупером, писишкой, писюком, писей, психом, пентюхом* (Pentium), неправильно работающий модем *мудемом*, сервер *стервером*, лазерный принтер *лазарем*, звуковую карту SoundBlaster *блястером*, редактор сообщений

GoldEd *голдедом, голым дедом*, программиста *погамером, паскудником* и т.п. [примеры см. Лихолипов, Гусейнов, Смирнов]

ЭКСПРЕССИВИЗАЦИЯ. КАРНАВАЛИЗАЦИЯ. ЯЗЫКОВАЯ ИГРА. Г. Гусейнов [Гусейнов 2000] утверждает, и мы разделяем его точку зрения, что *превращения русского языка в Сети обусловлены не столько практическими потребностями упрощения кода, сколько игровыми условиями виртуального пространства*. Некоторые явления языковой игры мы уже рассмотрели, в частности: образование ников, жаргонизмов. Кроме того, наблюдается употребление английских вкрапленных явно в целях иронии (напр, *вэлкомы, андерстэнд, май фрэнд*). Встречаются и уменьшительно-ласкательные формы, опять как средство иронии, насмешки (напр., *мыслишка, идейка, вопросик, годик, темка, доцентик, бутылочка, чемоданчик, новенький*).

В связи с карнавализацией языка и. нельзя не обратить внимание на так наз. «албанское/аффтарское письмо», жанр «падонкафф», намеренное искажение орфографического облика слова согласно с его произношением. Несмотря на долгое существование этого феномена в Сети, импульсом к массовому использованию такого приема был перевод английского комментария к известной картинке «Медвед, превед!». По аналогии образовались такие эрративные лексемы и сочетания как *пака, мидвед, учаснег, какдила?, аффтар жжсет, аццкий сотона, аффтар вытей йаду* и др. Данный прием стал очень популярным прежде всего в блогах, форумах, где есть попытки писать таким образом целые тексты, напр., *А в нашэй ридакции фсе очинь дажэ любят пейсать на аффтарском языке, и с бальшим интузеазмом воспринели новый веток розвитийа русскава языка* [Белкин, Амзин]. Данный прием, включая некоторые штампы, вышел за рамки сети, обогатив потенциал современной публицистики или рекламы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Итак, и. – это не только информационная, но и коммуникативная среда, новое место функционирования естественного языка. В новых технических условиях идет «компьютерно опосредованная коммуникация», породившая «компьютерно опосредованную форму речи», формально письменную, концептуально устно-письменную, отличающуюся особенностями электронного канала передачи сообщения. Это не столько пространственные, временные лимиты речепроизводства, особая структура гипертекста, вызывающие стилистические и языковые сдвиги, сколько демократический, массовый, неформальный характер всей и-среды. Как раз последние приводят к стилевой размытости, расшатыванию языковой нормы, всеобщему «оразговариванию», индивидуализации, языковой игре, расширяя скрытый потенциал языка по горизонтали и вертикали. Такой подход к исследуемому объекту *накладывает обязанность изучать актуально идущие процессы языкового развития, обучать им и пытаться прогнозировать тенденции развития* [Войскунский 2001].

Источники:

<http://www.volchat.ru>
<http://www.ru/forum.com>

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Алексеевко, Н.Н.: *Психоаналитические особенности поведения человека в киберпространстве*. URL: <http://psynet.by.ru/texts/alekseenko.htm>
Белинская, Е.П.: *Интернет и идентификационные структуры личности*. URL: <http://psynet.by.ru/texts/bel4.htm>

- Белкин, И., Амзин, А.: *Полный перевод*. URL: <http://www.lenta.ru/articles/2006/02/28/preved/>
- Буторина, Е.: *А поговорить? Интернет как лингвистический феномен*. URL: <http://www.npi.ru/mir-media/but.htm>
- Crystal, D.: *Language and the Internet*. Cambridge University Press. Cambridge 2001.
- Daneš, F., Hlavsa, Z.: *Mluvnice češtiny 3*. Academia, Praha 1987.
- Гусейнов, Г.: *Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей*. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8-pr.html>
- Иванов, Л.Ю.: *Язык интернета. Заметки лингвиста*. URL: <http://www.inanoff.ru/rus>
- Костомаров, В.Г.: *Языковой вкус эпохи*. М., 1994.
- Кожина, М.Н. (ред.): *Стилистический энциклопедический словарь русского языка (СЭСРЯ)*. Издательство «Флинта», Издательство «Наука», М. 2003.
- Лихолипов, П.В.: *Компьютерный жаргон*. URL: http://www.gramota.ru/mag_autor.html
- Литневская, Е.И., Бакланова, А.П.: *Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконно сетевого жанра*. In: Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2005. № 6.
- Музей истории Интернет. Зал 7. Homo Interneticus. <http://www.fid.su/museum/zal7>
- Мышенникова, Е.С.: *Успешность общения, опосредованного глобальной компьютерной сетью Интернет*. URL:
- Нестеров, В.Ю.: *К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете*. URL: <http://psynet.by.ru/texts/nesterov1.htm>
- Нестеров, В., Нестерова, Е.: *Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов*. URL: <http://psynet.carfax.ru/texts/nesterov4.htm>
- Новиков, В.В., Тираспольский, Л.М.: *Жанр виртуальной конференции*. URL: <http://psynet.by.ru/texts/virtconf.htm>
- Сидорова, М.Ю.: *Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение*. М., «1989.ру», 2006.
- Смирнов, Ф.О.: *Языковая и коммуникативная агрессия в Рунете*. URL: <http://psynet.by.ru/texts/smironov6.htm>
- Трофимова, Г.Н.: *О чем пока молчит Рунет?* URL: http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=11
- Трофимова, Г.Н. (2004): *Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты*. Издательство РУДН. ISBN 5-209-01688-9.
- Виноградова, Н.В.: *Контактоустанавливающая функция компьютерного жаргона*. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Vinogradova.htm>
- Воборил, Л., Пилатова, Й.: *Функционирование графики и лексики в компьютерной форме речи*. In: Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.): Труды и материалы. «МАКС Пресс», М. 2007.
- Войсунский А.Е. *Развитие речевого общения как результат применения Интернета*. URL: <http://www.auditorium.ru/v/index.php?www.romir.ru>
- Земская, Е.А.: *Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы изучения*. М. 1987.
- Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю.: *Коммуникативная грамматика русского языка*. М., 2004.
- Жичкина А.Е., Белинская, Е.П.: *Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью*. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy>

**ДОКЛАДЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ**

